

Археологические вести

— 27 —

Archaeological news

27
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

27
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 27 / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 446 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В серии работ, входящих в раздел «Новые открытия и исследования», рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до нового времени, также вводятся в научный оборот материалы палеолитического нахождения Ункей (Нукутский район, Иркутская область) и анализируются контакты населения самбийско-натагийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время. В специальный раздел включены статьи по актуальным проблемам археологии эпохи бронзы и раннего железа Кавказа, а также работа по интерпретации камерных погребений в Пскове второй половины X в. Кроме того в журнале представлены работы по истории и организации науки. Среди авторов — ученые из различных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Новосибирска, Владикавказа), Украины (Одессы) и Франции (Парижа).

The present issue of «Arkheologicheskie vesti» (Archaeological News) includes articles concerned with the most recent researches in the sphere of archaeology, history and culture. The series of works comprised in the section “New discoveries and researches” considers particular categories of archaeological antiquities dated from the Stone Age to the modern period; in particular, materials from the Palaeolithic site of Unkey (Nukut district, Irkutsk Oblast) are published and contacts between the population of the Sambia-Natangia culture and the Middle Danubian region during the Hun and post-Hun time are analysed. A special section includes papers on the current problems of archaeology of the Bronze Age and the Early Iron Age in the Caucasus, as well as a study on the interpretation of stone burials in Pskov of the second half of the 10th century. In addition, the yearbook presents works on the history and organization of the archaeological science. The authors are scholars from different research centres of Russia (Moscow, St. Petersburg, Irkutsk, Novosibirsk, Vladikavkaz), Ukraine (Odessa) and France (Paris).

Первая страница обложки — Пенджикент. Расписная керамика (к статье Ф. Ш. Аминова)
First page of cover — Panjakent. Painted pottery (article by F. Sh. Aminov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Несколько писем из стола В. Ф. Гайдукевича (Всю ли правду нам надо знать?)

Ю. А. Виноградов

Аннотация. В конце прошлого года в столе, принадлежавшем выдающемуся археологу-антиковеду В. Ф. Гайдукевичу (1904–1966), было найдено несколько писем. В их числе — послания директора Таманского музея А. Г. Остроумова, протестовавшего против передачи таманского саркофага в Государственный исторический музей (г. Москва) в 1941 г., отдельные письма археологов С. А. Семёнова-Зусера, М. М. Кубланова и др.

Annotation. In the end of the last year, a number of letters were found in the desk belonging to the prominent archaeologist Viktor F. Gaydukevich (1904–1966). They included messages of Director of the Taman Museum Andrey Gavrilovich Ostroumov who protested against the transference of the Taman sarcophagus to the State Historical Museum (Moscow) in 1941, some letters of archaeologists Semeon A. Semenov-Zuser, Mikhail M. Kublanov, et al.

Ключевые слова: история науки, античная археология, Боспорская экспедиция, Таманский музей.

Keywords: history of science, ancient archaeology, Bosphorus expedition, Taman Museum.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-384-391¹²

Все посещавшие Отдел истории античной культуры ИИМК РАН непременно обращали внимание на большой стол, стоящий между окнами, выходящими на набережную Невы. Над ним на стене висит портрет В. Ф. Гайдукевича, что и не удивительно, поскольку именно за этим столом на протяжении многих лет трудился наш выдающийся ученый (о нем см.: Гадло, 1964; Капошина и др., 1965; Капошина, Якобсон, 1967; Капошина, 1967; Зинько,

2004; Виноградов, 2005; 2006; 2017; Калашник, 2006; Кунина, 2006). После его смерти в 1966 г. стол принадлежал заведующим Отделом, сменявшим друг друга на этом посту; на моей памяти это были П. Н. Шульц, И. Г. Шургая, Ю. В. Андреев, К. К. Марченко. В конце 2019 г. этот «атрибут власти» достался ученому секретарю Отдела С. В. Кашаеву. Складывается впечатление, что он первым решил проверить содержимое всех его ящиков и ящичков, в результате чего были обнаружены любопытные официальные бумаги и несколько писем, которые сейчас вполне можно признать историческими.

Наиболее ранним документом в этом собрании является официальное письмо из Высшей аттестационной комиссии Всесоюзного комитета по делам высшей школы, датированное 15 декабря 1945 г. В нем говорится:

¹ Исследование проведено в рамках ПФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; E-mail: vincat2008@yandex.ru.

«Решением президиума Высшей Аттестационной Комиссии от 8-го декабря 1945 г. (протокол № 13/к) ходатайство об освобождении т. Карасева А. Н. от сдачи кандидатских испытаний отклонено».

Казалось бы, ничего особенного в этой записке нет, но на самом деле она разрушает красивый миф о славной плеяде археологов, посвятивших свою жизнь служению археологии и не помышлявших о «житейской прозе» типа защиты диссертаций, получения ученых званий и пр. В числе таких подвижников науки непременно называлось имя А. Н. Карасёва (о нем см. Некролог, 1975). В дружеских беседах об этом, к примеру, неоднократно говорил К. К. Марченко, который был учеником Александра Николаевича. Спору нет — А. Н. Карасёв был выдающимся археологом, несравненным специалистом в области ольвийских древностей, прекрасным учителем и т. д. Защитить кандидатскую диссертацию ему не удалось, но попытка сделать это, как видим, все-таки была предпринята, хотя она не оказалась удачной — не было получено освобождение от сдачи кандидатских экзаменов, а сдавать их в возрасте 43 лет было явно нелегко, да и как-то неловко.

Второй документ — Открытый лист (Відкритий лист), выданный В. Ф. Гайдукевичу 29 вересня (сентября) 1965 г. Институтом археологии АН УССР на право проведения раскопок на Керченском полуострове. Как известно, в ноябре 1962 г. Виктор Францевич перенес тяжелейший инфаркт, от которого полностью оправиться не смог. По этой причине в 1963 г. он был вынужден отказаться от поездки в экспедицию, а в 1964 г. приехал на раскопки Мирмекия в конце августа, когда спала жара (Калашник, 2006. С. 211–212). На следующий год, как видим, Виктор Францевич вновь отважился на рискованный шаг, но Открытый лист по каким-то причинам не был возвращен в Киев, как того требует инструкция. В 1966 г. ему, конечно, никак не следовало ездить на раскопки, но исследователь, увы, решил иначе.

В один сильно пожелтевший конверт было вложено сразу несколько писем, но поставленная

на них дата сразу бросается в глаза — июль 1941 г. Все они были написаны заведующим Таманским музеем Андреем Гавриловичем Остроумовым и касались решения властей о передаче в Государственный исторический музей знаменитого таманского саркофага (о нем см. Гриневиц, 1928; Пятыйшева, 1949; Соколов, 1973. С. 72–73; Виноградов, 2010; Журавлёв, 2010. С. 301–302; Gajdukevič, 1971. S. 295–296).

В первом письме читаем:

«7/VII — 41 г. Доброго здоровья, глубокоуважаемый Виктор Францевич!

Очевидно, грянул час для Таманского саркофага. Прилагаемая копия Вам все <будет> говорить...

Как это быстро, один росчерк Маневского, и все готово³. Им надо все же составить и выслать акт о передаче для сведения, очевидно, бюрократического.

Все же весьма примитивно. Нет решения авторитетной коллегии? Ничего не говорится об обязательстве взаимобмена. Ведь из Таманского музея берут лучшую его вещь, а взамен что — очевидно, только „Акт для сведения“... Это называется бюрократический грабёж. Хотя бы компенсировали существенной помощью музею в выдаче музейных материалов из фондов Гос. Ист. Музея... Не знаю, как они осуществят эту перевозку в военное время? Может быть, теперь отложат. Сообщите, сможете ли Вы и ИИМК нам (Таманскому музею) помочь, чтобы запретить саркофаг от порчи, от перевозки и оставить его на месте без передвижения. Сообщите также, какая судьба постигла археологические материалы <из> раскопок Таманского музея? Высылали ли их нам или нет?

Ваш А. О.

[Приписка] Виктор Францевич!

У меня имеются на руках компрометирующий документ для работников ГИМ —

³Тов. Маневский, как это явствует из писем А. Г. Остроумова, являлся заместителем начальника Управления партийно-просветительской работы Краснодарского крайкома ВКП(б).

Пономарева и Пятышеву. Эти лица возглавляли Фанагорийскую экспедицию в 1936 г. (или 37 г.). Ими было привезено по окончании раскопок из Фанагории во двор музея 40 ящичков с археологическими материалами. Эти ящички были брошены, очевидно, как ненужный хлам посреди двора музея. Прошло много времени. Ящичками этими никто из «гловнов фанагорийцев» — (Пономарев, Пятышева, Блаватский и другие) не интересовался. Вы же эти ящички видели и неоднократно этим возмущались. Как известно, Фанагорийская экспедиция, добывая „этот хлам“, израсходовала на раскопки до 40 000 рублей государственных денежек. Теперь (в 1940 г.) ящички эти рассыпались и черепки вывалились. Таманскому музею пришлось нанять рабочих, уплатить им 60 р. за то, что они вырыли две ямы и закопали туда эти черепки — добычу жадных, циничных „горе-археологов“. На зарытие этого брошенного археологического хлама составлен акт с подписью соответствующих лиц. Копию могу Вам прислать. Всю эту горе-историю можно было бы прописать в газетах. И вот в эти-то руки теперь передается саркофаг, очевидно, в обмен на зарытый хлам. Вот наглость бюрократов-музейщиков.

На всякий случай высылаю Вам заявление музея на счет саркофага.

Пишите свое мнение по данному вопросу
Ваш А. О.».

В своем письме А. Г. Острумов рассказал В. Ф. Гайдукевичу (а теперь уже и нам) о чрезвычайно некрасивой истории, в реальности которой никак нельзя сомневаться (имелся даже акт о зарытии ящичков с находками). В ней были замешаны, в общем, очень уважаемые люди — В. Д. Блаватский, А. Н. Пономарёв, Н. В. Пятышева, составлявшие руководящее звено Фанагорийской экспедиции тех лет (Застрожнова, 2019. С. 193 и сл.). Можно ли сейчас, по прошествии почти 90 лет, простить автору послания излишнюю резкость выражений? Не берусь судить. Вполне очевидно, что происшедшее тогда страшно оскорбило работников Таманского музея.

Упомянутое в письме заявление музея, направленное в ИИМК АН СССР, датировано 8 июля 1941 г.:

«Прилагая при сем копию отношения Управления п/п работы⁴ от 24/VI — с/г. за № 170–58 на разрешение ввоза саркофага в Гос. Ист. Музей, Таманский музей просит ИИМК высказать свое авторитетное мнение по данному вопросу.

Лично мне пришлось в 1925 г. перевозить этот саркофаг в пределах Тамани из огорода церкви, где тогда он стоял под открытым небом, в здание Таманского музея. При этом мною обнаружено внутри саркофага в пористых, утонченных и разрушенных кислотами боковых стенах трещины-наколы, от которых чуть не произошел завал стен саркофага при его перемещении. Опасность эта неустранима, и поэтому всякий неожиданный сильный толчок в пути может разрушить эту ценную вещь.

В силу этого, а также целого ряда других причин, Таманский музей просит ИИМК АН СССР не допустить гибели этого исторического памятника и воспрепятствовать распоряжению Управления п/п работы, настоять пред соответствующими высшими инстанциями об отмене вышеуказанного распоряжения Управления и добиться оставления этого памятника в Таманском историко-краеведческом музее им. М. Ю. Лермонтова, где он пребывает в целостности и сохранности уже шестнадцать лет.

О результате означенного ходатайства прошу уведомить Таманский музей.

Директор Таманского музея
А. Острумов».

Еще одно письмо, датированное 11 июля 1941 г., было направлено в Краснодарский крайисполком, а копия его — в ИИМК АН СССР:

«Прилагая при сем копию отношения Управления п/п работы от 24/VI — 41 г. за № 170–58 прошу Крайисполком дать Таманскому музею

⁴ Управление партийно-просветительской работы.

указание по существу затронутого вопроса.

Таманский музей полагает, что Управление п/п работы должно было бы обратиться в данном случае не непосредственно в музей, а в Краевой Исполком, т. к. музея является подчиненным учреждением пред. Край ОНО и передавать свои экспонаты куда бы то ни было без ведома Крайисполкома не имеет права, чего будет музей придерживаться и в данном случае.

Таманский музей по затронутому вопросу имеет следующее суждение: „Перевозка Таманского мраморного саркофага повлечет за собой неминуемо гибель (разрушение) данного ценного исторического памятника, т. к. имеющиеся наколы-трещины на боковых стенах внутри саркофага могут быть при дорожных толчках причиной завалов стен его. Опасность эта неустранима, и мне, как передвигавшему саркофаг в пределах Тамани в 1925 г., она хорошо известна, о чем и предупреждаю Крайисполком“.

В силу означенного Таманский музей просит Крайисполком не допустить гибели этого ценного исторического памятника, хорошо сохраняющегося в Таманском музее, опротестовать данное решение Управления полит. просвет. работы и возбудить ходатайство пред соответствующими высшими инстанциями о перенесении рассмотрения этого вопроса в компетентный орган — Комитет по делам искусства при СНК СССР и Институт Истории Материальной Культуры АН СССР, дабы вопрос этот — о предмете, имеющем и художественное, и историческое значение, разрешался не в индивидуальном порядке зам. нач. Управл. пол./просвет. работы, а представителями объективной ученой коллегии специальных научных учреждений всесоюзного значения, беспристрастное мнение которых и будет окончательным решением по данному вопросу.

Директор Таманского музея
А. Остроумов».

Еще одно письмо, точнее, два письма были направлены в ИИМК АН СССР 12 июля 1941 г.

«Прилагая при сем копию отношения Таманского музея от 11/VII — 41 г. за № 66, адресованное Краснодарскому Крайисполкому и Вам, прошу ИИМК, хорошо знающего положение дел о Таманском саркофаге, опротестовать единоличное решение зам. нач. Управл. п/п работы о передаче саркофага в Гос. Ист. Музей и тем самым предотвратить возможную гибель ценного исторического памятника, хорошо сохраняющегося в Таманском историко-краеведческом музее им. М. Ю. Лермонтова.

Директор Таманского музея
А. Остроумов».

«Глубокоуважаемый Виктор Францевич!

Спешу Вам выслать заявление из Таманского музея в ИИМК с просьбой предотвратить неминуемую гибель, нависшую над таманской гробницей. Это заявление и копию другого отношения высылаю Вам, а Вы представьте таковые ИИМКу.

Может быть, всю эту переписку и не стоило бы возбуждать, т. к., кажется, всем не до этих мелочей. Но я опасюсь, что Пятышева и компания поспешат во что бы то ни стало осуществить перевозку саркофага. Это их реванши за битые фанагорийские черепки, как нагло и издевательски заявила Пятышева, „пусть остаются Таманскому музею в виде помощи от Гос. Ист. Музея... Ха, ха, ха...“.

Ну довольно. Всех благ. Прошу Вас — утрите нос зарвавшимся археологам „другим“.

Пишите.

Ваш А. О.».

Трудно сказать, сумел ли В. Ф. Гайдукевич предпринять какие-либо шаги, чтобы выполнить просьбы А. Г. Остроумова. Если это и было так, то реального результата они не имели. В условиях разразившейся войны всем инстанциям, как сказано в процитированном письме, было «не до этих мелочей».

Суровые реалии 1941 г., как известно, не позволили перевезти саркофаг в Москву, и в 1942 г. он оказался на территории, оккупированной неприятелем. Немцы оценили этот замечательный памятник по достоинству

и решили отправить его в Германию. С этой целью 14 июля 1943 г. саркофаг был перевезен в Керчь и размещен в склепе Мелек-Чесменского кургана. Там он находился до освобождения города Красной армией и уже оттуда 20 августа 1944 г. был отправлен в Москву. В Государственный исторический музей саркофаг был доставлен 2 сентября того же года (Пятышева, 1949. С. 6–7).

Сохранилось письмо С. А. Семёнова-Зусера из Харькова, датированное 12 ноября 1950 г.:

«Дорогой Виктор Францевич,

Сегодня выслал Вам свою книжку „Скифская проблема в отечественной науке“, а вместе с нею „Рыбное хозяйство“... Нет сомнения, что „Скифская проблема“ в настоящее время уже устарела. Надеюсь на ближайшее 2-ое издание, значительно дополненное и переработанное.

Над чем Вы сейчас работаете?

Примите от меня наилучшие и искренние пожелания.

С глубоким уважением С. Семёнов-Зусер».

Личность С. А. Семёнова-Зусера и его научная деятельность до сих пор не нашла необходимого научного изучения (см.: Шрамко, 1952; Скирда, Чернігова, 2001), хотя, безусловно, того заслуживает. Он довольно активно трудился в Секторе античной формации ГА-ИМК (Виноградов, 2013. С. 167–168), а его исследование «Родовая организация у скифов Геродота» (Семёнов-Зусер, 1931) стало первой попыткой анализа общественно-экономических отношений у скифов, пусть и не во всем удачной. Более крупная работа «Скифская проблема в отечественной науке. 1692–1947» (Семёнов-Зусер, 1947а), которая была защищена автором в 1948 г. в качестве докторской диссертации, нашими видными скифологами того времени была принята весьма критично, как книга полезная, но не заполняющая пробела в скифологии (Ельницкий, 1948. С. 116). Показательно, что в «Боспорском царстве» Гайдукевича (имеется в виду второе издание книги) на эту работу, да и на «Рыбное хозяйство» ссылок нет.

Брошюрка «Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности» (Семёнов-Зусер, 1947б) по-своему интересна. Она посвящена публикации обломка надписи второй половины II в. н. э., обнаруженной накануне Великой Отечественной войны в фондах Археологического музея Харьковского университета, в которой содержится свидетельство существования рыбного рынка в Херсонесе (Там же. С. 5–6, 35–42). Этой публикации предпослан краткий очерк развития рыбного хозяйства в античном Северном Причерноморье. Он тоже по-своему полезен, но содержит ряд неточных формулировок. К примеру, в отношении соуса *гарум* автор отметил, что его приготавливали «только из жирного мяса ценных рыб, а в Причерноморье — преимущественно из скумбрии, сарделек и анчоуса» (Там же. С. 27). Сардельками в данном случае названа местная рыбка-тюлька, но возникает вопрос, почему же в Причерноморье соус готовили из столь малоценной рыбы?

Письмо из Москвы, датированное 27 ноября 1950 г., принадлежит перу А. Л. Шполянской:

*«Глубокоуважаемый Виктор Францевич!
Бесконечно благодарна Вам за внимание!*

На днях меня обрадовали известием, что в Институт привезли пифос. (Дело в том, что я была серьезно больна, а после выздоровления редко бывала в Институте и почти все время работала дома.)

Сегодня посылаю на Ваше имя 60 р. и очень прошу передать их тем людям, которые занимались упаковкой пифоса в ящики. Ваше письмо из Керчи я получила (опять большое спасибо!).

Мы послали директору музея Ф. Т. Гусарову официальное письмо, но еще не получили ответа.

Наши дела с выставкой продвигаются медленно. Сейчас мы ведем переговоры относительно реставрации пифоса. Заказываем различные модели и макеты. Имеем уже много фотографий.

Меня очень интересует круглый жернов IX–X вв., о котором Вы писали. Где он найден?

Можно ли получить его описание и фотографию?

Удачной ли оказалась Ваша поездка в Керчь?

Каковы результаты экспедиции Нины Арсентьевны? Сердечно приветствую ее.

Еще раз горячо благодарю Вас. Всего лучшего.

А. Шполянская»

Об авторе этого письма ничего более-менее определенного сказать нельзя. Скорее всего, она трудилась в Институте археологии и занималась реставрацией археологических находок. В письме упоминается Нина Арсентьевна. Скорее всего, в данном случае имелась в виду Мария Арсентьевна Наливкина, то есть ошибка была допущена и в имени, и в отчестве (Виноградов, 2014. С. 430). Можно напомнить, что именно в 1950 г. М. А. Наливкина начала исследования Керкинитиды в Западном Крыму (Там же. С. 433).

Самое позднее письмо из обнаруженных в столе В. Ф. Гайдукевича принадлежит известному ленинградскому археологу М. М. Кубланову (Хршановский, 2004). На нем поставлена дата 24 марта 1958 г.:

«Многоуважаемый Виктор Францевич!

Мне не удастся встретиться с Вами в часы, когда я имею возможность быть в ИИМК, поэтому решил написать Вам.

Я получил поручение организовать археологический отряд Музея. Работы планируется на ряд лет; средства этого года — 7–8 тысяч; в дальнейшем, полагаю, эта сумма будет увеличена. При этих обстоятельствах я, имея в виду наши начинания 1956 г., хотел обсудить с Вами возможность присоединения этого отряда к Вашей экспедиции и для этой цели хотел просить Вас назначить место и время встречи.

Вместе с тем я вижу себя вынужденным обратить Ваше внимание на чувство неудовлетворенности и течением, и исходом нашего начинания 1956 г. Оценивая сейчас как отдельные эпизоды, так и общие результаты, я начинаю сомневаться правильно ли понял Вас в свое время и действительно ли разговоры, которые велись тогда, означали

приглашение начать эти работы, хотя, с другой стороны, я довольно четко помню, что разговоры велись именно в этом духе и деньги, оставленные мне на поездку, как будто свидетельствовали об этом же.

Я вспоминаю об этом сейчас отнюдь не из приверженности к такого рода историческим изысканиям, а исключительно из практических соображений: проектируя начать значительные и систематически проводимые работы в тесном сотрудничестве с Вами, я должен быть уверен в наличии подлинного духа сотрудничества и доброжелательства. Я высоко оценил бы, не испытывая ни малейшего чувства неприязни, ясно выраженный отрицательный ответ; но я вряд ли мог бы удовлетвориться ответом, который нуждался бы в дешифровке.

Итак, прошу Вас, если мое предложение покажется Вам заслуживающим внимания, назначить место и время для его конкретного обсуждения. Служебные обстоятельства побуждают меня просить Вас назначить эту встречу до 5 апреля.

С уважением М. Кубланов».

Письмо написано четким, аккуратным почерком. Его прекрасный стиль, продуманность фраз не оставляет сомнения в том, что имелся черновик или даже первый экземпляр данного послания, оставленный автором в личном архиве.

На первый взгляд может показаться, что между Михаилом Моисеевичем и Виктором Францевичем существовали нормальные, деловые отношения, хотя и не лишённые некоторого недопонимания. На самом деле это не так, и непонимание имело место, при этом весьма серьёзное. Дело в том, что именно М. М. Кубланов в 1947 г. начал раскопки городища Илурата (Кубланов, 1998. С. 109–111; 2014. С. 114–118). Эти раскопки дали замечательный научный результат, и нетрудно понять причину, по которой исследования Илурата были продолжены уже под руководством В. Ф. Гайдукевича и без М. М. Кубланова. Обиду, нанесенную ему в 1947 г., Михаил Моисеевич не забыл до конца своих дней, что

и не удивительно. Но, возвращаясь к письму, можно поставить вопрос — о чем он хотел договориться с Виктором Францевичем в 1956 г., а затем в 1958 г.? — Трудно сказать... В 1955 г. он был принят на работу в Музей истории религии и атеизма (Казанский собор) и, вероятно, мечтал присоединиться к Боспорской экспедиции ЛОИА, то есть продолжить исследования Илурата? Все может быть, но только такому плану, если он действительно существовал, не суждено было воплотиться в реальные дела. Раскопки некрополя Илурата М. М. Кубланов начал, как известно, только в 1968 г., то есть уже после смерти В. Ф. Гайдукевича. Таковыми были взаимоотношения двух ученых мужей, оставивших свой след (след, конечно, различный) в боспорской археологии. Такова правда об их взаимоотношениях... Но нужна ли сейчас такая правда?

А нужно ли помнить о том, что А. Н. Карасёву, несмотря на его огромные заслуги

перед нашей наукой, не было присвоено звание кандидата исторических наук без защиты диссертации? Наконец, стоит ли ворошить прошлое и вспоминать о конфликтной ситуации, возникшей из-за решения передать таманский саркофаг в Государственный исторический музей? Всё-таки стоит! И пусть без всех этих «некрасивых» фактов история науки может показаться более симпатичной, но она по этой же причине останется неполной, обрывочной, односторонней. Память, конечно, следует хранить, даже очень... Остается высказать сожаление, что наши преемники, если они пожелают разобраться в научном сотрудничестве и ученых конфликтах недавних лет, не будут иметь документов, подобных тем, которые найдены в столе В. Ф. Гайдукевича. Увы, ненадежная бумага хранит свидетельства подлинной истории, по крайней мере, истории межличностных отношений, лучше, чем электронные носители.

Виноградов, 2005 — Виноградов Ю. А. К 100-летию со дня рождения В. Ф. Гайдукевича // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. № 12. С. 323–330.

Виноградов, 2006 — Виноградов Ю. А. Памяти В. Ф. Гайдукевича // БИ. Симферополь: Изд-во Крым. отд. Ин-та востоковедения, 2006. Вып. 13. С. 3–15.

Виноградов, 2010 — Виноградов Ю. А. Курган на Лысой горе под Таманью // *Gaudeamus igitur*: Сб. ст. к 60-летию А. В. Подосинова / Ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, Г. Р. Цецхладзе. М.: Русский Фонд Содействия образованию и Науке, 2010. С. 113–118.

Виноградов, 2013 — Виноградов Ю. А. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 160–190.

Виноградов, 2014 — Виноградов Ю. А. К 110-летию М. А. Наливкиной (1904–1981) // АВ. СПб.: Арт-Экспресс, 2014. № 20. С. 430–436.

Виноградов, 2017 — Виноградов Ю. А. В. Ф. Гайдукевич и изучение курганов боспорской

аристократии // Российские археологи XIX — начала XX в. и курганные древности европейского Боспора / Ред. В. А. Горончаровский. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. С. 68–73.

Гадло, 1964 — Гадло А. В. Виктор Францевич Гайдукевич (к шестидесятилетию со дня рождения) // Вестник ЛГУ. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. № 2. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 1. С. 175.

Гриневиц, 1928 — Гриневиц К. Э. Мраморный таманский саркофаг // ТСАРАНИОН. 1928. Вып. 4. С. 162–177.

Ельницкий, 1948 — Ельницкий Л. А. Рец. на книгу: С. А. Семёнов-Зусер. Скифская проблема в отечественной науке. 1692–1947. Харьков, 1947. Стр. 192 // ВДИ. 1948. № 4. С. 109–116.

Журавлёв, 2010 — Журавлёв Д. В. Памятники греческого и римского периодов // Античное наследие Кубани / Ред. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. Т. III. С. 296–326.

Застрожнова, 2019 — Застрожнова Е. Г. Фанатория. История археологического изучения (конец XVIII — середина XX в.). М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 308 с.

- Зинько*, 2004 — *Зинько В. Н.* К 100-летию со дня рождения Виктора Францевича Гайдукевича // *Археология*. Київ, 2004. № 3. С. 140–141.
- Калашиник*, 2006 — *Калашиник Ю. П.* О Викторе Францевиче Гайдукевиче // *БИ*. Симферополь: Изд-во Крым. отд. Ин-та востоковедения, 2016. Вып. 13. С. 207–213.
- Капошина*, 1967 — *Капошина С. И.* Виктор Францевич Гайдукевич. 1904–1966 // *ВДИ*. 1967. № 1. С. 213–214.
- Капошина и др.*, 1965 — *Капошина С. И., Книпович Т. Н., Якобсон А. Л.* К 60-летию Виктора Францевича Гайдукевича // *СА*. 1965. № 3. С. 89–90.
- Капошина, Якобсон*, 1967 — *Капошина С. И., Якобсон А. Л.* Виктор Францевич Гайдукевич. 1904–1966 // *СА*. 1967. № 2. С. 299–300.
- Кубланов*, 1998 — *Кубланов М. М.* Отрывки воспоминаний // *Боспорское царство как историко-культурный феномен: Материалы науч. конф.* / Ред. В. А. Хршановский. СПб.: Гос. музей истории религии и атеизма, 1998. С. 107–112.
- Кубланов*, 2014 — *Кубланов М. М.* Апокрифы. Потаенные дневники советского служащего. Записки о событиях 1936–1975 гг. СПб.: Деметра, 2014. 222 с.
- Кунина*, 2006 — *Кунина Н. З.* О любимом учителе // *БИ*. Симферополь: Изд-во Крым. отд. Ин-та востоковедения, 2006. Вып. 13. С. 219–228.
- Некролог*, 1975 — Памяти Александра Николаевича Карасёва (1902–1972) // *КСИА*. 1975. Вып. 143. С. 117–118.
- Пятышева*, 1949 — *Пятышева Н. В.* Таманский саркофаг. М.: Изд. ГИМ, 1949. 36 с.
- Семёнов-Зусер*, 1931 — *Семёнов-Зусер С. А.* Родовая организация у скифов Геродота. Л.: Огиз, 1931. 34 с. (*Известия ГАИМК*. Т. 9, вып. 1.)
- Семёнов-Зусер*, 1947а — *Семёнов-Зусер С. А.* Скифская проблема в отечественной науке. 1692–1947. Харьков: Харьковский гос. университет, 1947. 192 с.
- Семёнов-Зусер*, 1947б — *Семёнов-Зусер С. А.* Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности. Памятники истории экономики и культуры древнего Северного Причерноморья. Харьков: Тип. Харьк. гос. ун-та, 1947. Вып. 1. 46 с.
- Скирда, Чернігова*, 2001 — *Скирда В. В., Чернігова Н. В.* Архівні матеріали С. А. Семёнова-Зусера // *Археологічний літопис Лівобережної України*. Полтава, 2001. Ч. 2. С. 170–171.
- Соколов*, 1973 — *Соколов Г.* Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л.: Аврора, 1973. 191 с.
- Хршановский*, 2004 — *Хршановский В. А.* «Жизнь — это дело, к которому тебя приставили...» // *Историк, археолог, литератор. К 90-летию Михаила Моисеевича Кубланова* / Отв. ред. С. А. Кучинский. СПб: Акционер и К°, 2004. С. 3–6.
- Шрамко*, 1952 — *Шрамко Б. А.* Памяти проф. С. А. Семёнова-Зусера // *КСИА АН УССР*. Киев, 1952. Вып. 1. С. 108–109.
- Gajdukevič*, 1971 — *Gajdukevič V. F.* Das Bosporianische Reich. Berlin: Akademie-Verlag, 1971. 604 S.